

The background of the entire page is a painting. It depicts a person standing on a dark, craggy rock formation in the foreground. The person is seen from behind, wearing a light-colored shirt and dark trousers, looking out over a vast, blue-grey sea towards a distant, hazy horizon. The sky is a pale, overcast grey. The painting style is expressive, with visible brushstrokes and a somewhat somber, contemplative mood.

Алексей В. Богомолов

Маленький
человек в эпоху
перемен

Рассказы

Алексей Богомолов

**Маленький человек в
эпоху перемен. Рассказы**

«Издательские решения»

Богомоллов А. В.

Маленький человек в эпоху перемен. Рассказы /
А. В. Богомоллов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858744-3

Оглядываясь назад, автор видит, что прожил большую и интересную жизнь, поэтому он не придумывает сюжеты и персонажей, а берет их непосредственно из окружающей его действительности.

ISBN 978-5-44-858744-3

© Богомоллов А. В.
© Издательские решения

Содержание

Дошкольное	6
Яблочко	13
Валенки	16
Ролевые игры	20
Двухгодичники inc	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Маленький человек в эпоху перемен Рассказы

Алексей Витальевич Богомолов

© Алексей Витальевич Богомолов, 2018

ISBN 978-5-4485-8744-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дошкольное

Дом стоял возле железной дороги. Не совсем рядом, а чуть в глубине, метрах в ста. Когда-то, задолго до моего рождения, когда пути еще только строили, экскаваторы, чтобы выровнять площадку под рельсы, вынули грунт, а огромные бульдозеры разровняли его по-поверхности. Так я думал, когда был маленьким, а уже позже узнал о том, что в то время такой строительной техники не было и все работы выполнялись вручную: лопатами, кирками, тачками и носилками, и строилась Курская железная дорога силами солдат и вольнонаемных. Глина, вынутая при строительстве, покрывала половину нашего участка и на такой земле все очень плохо росло. Зато на второй части был чернозем и там дедушка устраивал парники с огурцами и помидорами.

Участок дед со своим братом-близнецом получил в конце сороковых по решению поселкового совета. Оба они были военными и у каждого было по трое детей. Семьи только вернулись из эвакуации и надо было как-то обустраиваться. До войны они жили в деревне, что в семи километрах от станции, но там было очень уж тесно, да и школы не было. Дом построили деревянный, но по тем временам большой и просторный. Закончив со строительством жилья, дед принялся за закладку будущего сада. Он рыл большущие ямы, укладывал в них торф, навоз, перегной, мешал все с черноземом и высаживал яблони: золотую китайку, грушовку, коричную полосатую, белый налив, пепин шафранный, два штрифеля и две антоновки. Еще были две груши: бессемянка и чижевская, а также вишни и сливы. Из кустарниковых: черная и красная смородина, крыжовник трех сортов и малина.

К моменту моего появления на свет, а именно к началу 1960 года, дед демобилизовался и мог уделять уходу за садом больше времени. За несколько месяцев до моего рождения в доме появился мой отец, который женился на матери. В течение пятидесяти пяти последующих лет я считался на месяц недоношенным. Не могли же они меня зачать до свадьбы. И только совсем недавно мать, наконец, правильно посчитав месяцы, прошедшие со дня бракосочетания и до дня моего рождения, с удивлением отметила, что срок вполне нормальный и я был реабилитирован.

Рожать меня родители поехали на электричке. Когда начались схватки, отец было побежал в амбулаторию, что на той стороне железной дороги, но мать боялась оставаться одна. Тогда, одевшись, все-таки январь, они пошли вместе. Когда переходили железку, увидели, что идет поезд. Отец помог матери забраться на платформу и перелезть через ограждение, и уже через час они были на Курском вокзале. Тут мамка поняла, что я слишком уж настойчиво прошусь наружу и вокзальные служащие вызвали скорую помощь. Так что я удостоился чести родиться на Пироговке.

Уже к концу зимы домашние поняли, что жить совместно с вечно орущим кульком становится нестерпимо и задумали увеличить жилую площадь. Получив разрешение в поссовете, стали готовить стройматериалы. Кирпич был привезен с Сухаревки. Там, как раз, сносили здание дореволюционной постройки и стены, что были в подвале, разрешили разобрать и вывезти. Новый дом строили вокруг старого, так, чтобы можно было где-то жить. Проблемой стала береза, растущая прямо впритык к дому. Свалить ее без разрешения властей было нельзя. Но, как-то под вечер, отец с дедом, потихоньку, стараясь не привлекать внимания, ее все же спилили под самый корень. Мелкие ветки под покровом ночи вынесли за пруд, к лесу; крупные разделили на дрова и убрали на чердак в сарае, а ствол поделили на три части и закопали в огороде. Ранним утром бабушка собрала все опилки в бак, а отец привез и высыпал на комель несколько тачек песка. Часам к одиннадцати в калитку вошла комиссия из поссовета, вызванная бдительными соседями. Обойдя участок, заглянув в сарай и не найдя состава преступления, они ушли.

Сколько себя помню, на железной дороге постоянно меняли то рельсы, то шпалы, а то и все вместе. Новые клали, а старые откладывали в сторону и собирали грузовой дрезиной спустя два-три дня. Один из таких рельсов, под причитания бабки о том, что нас всех посадят, отец с дядькой и дедом и умыкнули под покровом ночи. Дотащить целый было нереально, или надо было приглашать помощников. Соседи, по понятным причинам, отпадали. Привлечь кого-то со стороны тоже было опасно. Ночью отец, словно партизан, прихватив ножовку по металлу, отправился на дело. Железную дорогу не то, чтобы охраняли, но на противоположной стороне обычно разгружали вагоны с сыпучими материалами и потому там высились горы силиката для кирпичного завода, торфа, угля, щебня, песка. Время от времени за всем этим добром приглядывали работники станции. Кроме них следовало опасаться машинистов проходящих поездов. Они тоже могли сообщить о злоумышленниках, расхищающих социалистическую собственность. Тем не менее, отец распилил рельс пополам и родственники оттащили обе части на участок, где и закопали на время рядом с березой. Потом их положат в качестве переводов под половые доски, где они и покоятся по настоящее время. Так был построен новый дом. Половину моего деда разделили еще раз пополам и одна из частей досталась моим родителям. Терраса была общей, а далее две двери, обшитые кожзаменителем. И жилая половинка нашей семьи состояла из кухоньки с печкой из кирпича, маленькой проходной комнатки, считавшейся моей и оборудованной письменным столом и стулом – больше ничего не помещалось и, собственно, четырнадцатиметровой комнаты родителей в которой, помимо гардероба, стояла родительская кровать и диван на котором спал я. На полу рядом с диваном был постелен матерчатый коврик на который я во время сна, неудачно повернувшись, падал, начинал хныкать и просить, чтобы меня положили обратно. Подняться и лечь самому просто не приходило в голову. Да и страшно: темно, ничего не видно.

Зимой в доме было холодно. Родители топили печь два раза в день, но она очень быстро остывала. Мама говорила, что это происходит оттого, что стены холодные и тепло выдувается на улицу. В качестве топлива использовали уголь и торфяные брикеты. Папа с мамой брали его на железной дороге. Рядом с нами, ближе к линии, стоял барак в котором жили путевые рабочие с семьями. Им негласно разрешалось пользоваться тем, что разгружали из вагонов, а мои родители, под шумок, тоже этой привилегией пользовались.

Потом дедушке дали комнату и они с бабушкой переехали в Москву, на Комсомольский проспект. Но я был еще совсем маленький и сидеть со мной было некому. Поэтому я уехал вместе с ними. А мама и папа остались одни в доме. В субботу вечером они меня забирали домой, а в понедельник рано утром отец отвозил меня на «Фрунзенскую». Дом стоял на Комсомольском проспекте и окна выходили на магазин «Океан». Чтобы я случайно не потерялся в городе, был заучен адрес: Комсомольский проспект, дом 35, 6-ой этаж, квартира – ... В то же время был выучен и телефон: 245-75-..., который помню по сей день. Бабушка в то время работала в продовольственном магазине у Никитских ворот. В свободное время она стирала, убиралась, мыла полы, готовила. Иногда приезжала мамина сестра тетя Люся. Она училась в геологоразведочном институте. Однажды она даже брала меня с собой на лекции. Ее друзья и подруги тискали меня и кормили конфетами и печеньем, а во время лекций я сидел тихо и рисовал карандашом на бумаге. Но большую часть времени я проводил с дедушкой. Он читал мне книжки, показывал буквы, учил считать. Сидя на ковре или ползая по дивану, я играл в оловянных солдатиков. Два серебряных были немцами, а два золотых – нашими. Дедушка варил мне кашу, кипятил чайник, делал бутерброды с сыром, маслом или колбасой. О том, что все это можно одновременно положить на хлеб и будет невероятно вкусно я узнал гораздо позже. Мы ходили с ним в магазин, гуляли во дворах и по набережной. Когда было холодно, играли в салки кусочком льда. Я бил по нему ногой так, чтобы попасть по дедушкиным ботинкам, а он отбегал или подпрыгивал. Если же водил дедушка, то он пытался осалить мои ноги

ледышкой, а я уворачивался. На той стороне реки стояло колесо обозрения, но оно зимой не работало, а летом нам было некогда – мы уезжали на дачу, вернее в дом к маме с папой.

Когда мне исполнилось три года, дедушка одел форму, почистил медали и пошел устраивать меня в детский сад, расположенный неподалеку от дома, на Радиоцентре. Но, военная одежда не помогла и, как дедушка не горячился и не обещал вывести директора садика на чистую воду, в просьбе нам было отказано. Проблему решил папа. Он в то время работал на заводе слесарем и учился на вечернем отделении Энергетического техникума. Через своего сокурсника, мать которого работала в детском саду, он заплатил немного денег и меня приняли в дошкольное учреждение.

Теперь каждый понедельник меня поднимали, умывали, одевали и мы с папой выходили по-темному из дома. Спускались с откоса, переходили пути, забирались на платформу и садились в электричку. На Курской спускались в метро и ехали до «Арбатской». Держась за руку, я шел по серым и красным гранитным плиткам, стараясь не наступать на швы. Потом – наверх и, чуть левее – на Арбат. Садик располагался в желтом двухэтажном доме дореволюционной постройки в Староконюшенном переулке, напротив посольства Канады с красным кленовым листом на флаге и милиционером в будке. Меня определили на шестидневку. Были группы, где детишек приводили и забирали каждый день, но возить меня из Бутово ежедневно было совсем уж неудобно, поэтому я и попал в этот полуинтернат. Сказать, что меня такое положение дел сильно опечалило, было нельзя. К этому времени я уже понимал, что родителям надо ходить на работу, а ребенка куда? Поэтому, когда меня привели в раздевалку и сложили вещи в прямоугольный деревянный ящик с вишенками на дверце, я, если и плакал, то совсем немного.

В группе нас было человек двадцать. На втором этаже, в большом просторном зале, где были расставлены маленькие столики на четверых и стульчики, мы кушали. Там же был расстелен огромный оранжевый палас на котором мы играли в ненастную погоду и после ужина. По периметру игровой зоны, вдоль стен, стояли деревянные лавочки, а в углу складировались крупногабаритные игрушки: фанерные разноцветные кубики с облупившейся и вытершейся на гранях краской, красный, уже поломанный педальный конь, темно-синяя металлическая машина, желто-зеленый пластмассовый самосвал, ну и всякие пирамидки, чиполлины и бура-тины с частично оторванными конечностями. К обеденному залу примыкала спальня с металлическими кроватками, часть из которых была установлена вдоль стен, а остальные восемь – вдвоем по центру. На одну из них положили и меня. Через проход стояла кровать Жанны, а за ней – большое окно, выходящее во двор. Жанна мне не нравилась. У нее в носу были вечные зеленые козявки, и она их с нескрываемым удовольствием ела.

Днем нами занимались поочередно работавшие воспитательницы – Лидия Васильевна и Алевтина Петровна. Лидию Васильевну мы любили больше. Она была веселая и много с нами играла. Алевтина Петровна тоже была хорошая, но более строгая. Еще у нас была ночная нянечка Дарья Семеновна. Ее мы боялись. Если дневные воспитательницы, молодые женщины, ходили всегда в белых блузках, темных юбках и туфельках на каблучке, то нянечка была уже средних лет и носила всегда один и тот же грязно-белый халат, на ногах – серые шерстяные носки и разбитые темно-бордовые тапочки. Волосы она убирала под некое подобие платка из марли.

Каждое утро начиналось с того, что Дарья Семеновна, предварительно смочив для утяжеления и сплетя в жгут вафельное полотенце, проходила между рядами и лупила нас по ногам своим кнутом, приговаривая: «Подъем, ...подъем...». Мы должны были встать, заправить, как могли, свою постель и пойти в умывальную комнату. Там стояли два маленьких унитаза и штук пять ночных эмалированных горшков. Мы как-то не стеснялись друг друга, и мальчики с девочками делали свои «дела» по соседству. Потом умывались и шлепали одеваться. Одежда была сложена в зале на стульчиках, выстроенных на ночное время вдоль стены. Первым делом я надевал специальный пояс от которого вниз шли две застёжки на резинке, потом коричневые

чулки, которые сверху крепились к поясу, следом – шорты, а в конце – рубашку, которую надо было застегнуть на все пуговицы и аккуратно заправить в штаны. Тем временем Дарья Семеновна окончательно приводила в порядок наши постели и проверяла, везде ли сухо. Если же было обнаружено, что кто-то из воспитанников вел себя ночью недостойно и позволил себе напрудонить на простыни, то о происшествии сообщалось воспитателям, а мокрое уносилось в стирку. Часто дети сами замечали, что у их соседа или соседки не все в порядке и бежали наперегонки к воспитателям или нянечке: «Лидия Васильевна, Лидия Васильевна, а Таня описалась!!!». Не сказать, что детям хотелось чьей-то крови или наказания виновного. Скорее им требовалось показать свою лояльность перед старшими, утвердиться в своей непогрешимости. Одевшись, мы строились в ряды и шеренги и под музыку и команды воспитателя делали зарядку. Пока нас занимали гимнастическими упражнениями, работники кухни приносили с первого этажа большую алюминиевую кастрюлю с кашей, чайник с горячим напитком, поднос с уже нарезанным хлебом и сервировали наши столики столовыми приборами. Мы рассаживались и начинали есть. Именно в детском саду я узнал о том, что молочные пенки похожи на сопли и вид их может вызывать рвотный рефлекс. Больше всех пенки не любила Жанна, и за столом она внимательно смотрела за тем, кто как к ним относится. Я же пенки любил и еще мне очень нравилось соскребать ложкой со дна молочной кастрюли то, что слегка прикипело. Но это было дома, а здесь надо было конспирироваться и делать то, что нравится незаметно, не привлекая внимания. Покончив с завтраком, дети спускались на первый этаж в раздевалку. Я открывал свой ящик с вишенками и начинал одеваться. Поверх штанишек и чулок натягивал теплые темно-синие байковые рейтузы с резинками внизу. Сверху – шерстяной свитер. На ноги – теплые носки и ботинки. Потом был шарф, порядком поеденная молью и блестящая голой кожей на обшлагах рукавов кроличья шуба и шапка. Естественно, что со всеми этими премудростями справиться самостоятельно мы не могли и нам помогала воспитательница. Она следила за тем, чтобы мы были хорошо укутаны, доставала у меня из под шубы шарф и завязывала его сверху, под воротник, узлом назад. И, конечно, она никак не могла проконтролировать, одел ли я теплые носки и не завалился ли свитер куда-нибудь в угол ящика. Поэтому, бывало, гуляя по-осени в резиновых сапожках на босу ногу, или, забыв одеть свитер, я дрожал от холода, боясь признаться воспитательнице в своей рассеянности. Двор, где мы гуляли, был отгорожен от внешнего мира с одной стороны глухой кирпичной стеной находящегося по соседству здания отделения милиции, с другой стороны располагался, собственно, детский сад, а остальную часть перекрывало производственное здание с выходящими в нашу сторону окнами. Мальчики нашей группы часто стояли у окон цеха и громко канючили: «Дядя, дайте, пожалуйста, подшипник... Дядя, дайте, пожалуйста, подшипник... Дядя, дайте, пожалуйста, подшипник...» Иногда везло, открывалась форточка и Дядя кидал нам маленький подарок. Он был очень гладкий и блестящий и так здорово было крутить его на пальце! Но, чаще, воспитатели отгоняли нас от цеха и занимали играми, хороводами и другими развлечениями. Однажды зимой чьи-то родители, а может и кто другой, вылепили нам из снега множество фигур, горку, крепость. И все это было раскрашено в самые разные цвета. Получился просто волшебный двор, а мы в нем были маленькими гномами.

Может показаться смешным, но у меня в детском саду была личная жизнь. Мне очень нравилась девочка Люда из нашей группы. У нее были правильные черты лица, прямые русые волосы до плеч, а большой белый бант ей завязывали на макушке. Она была дочерью Лидии Васильевны и, поэтому, ночевала дома, а утром приходила к завтраку. Выходя утром из спальни к умывальникам я радостно отмечал, что она уже пришла и сидит в игровой зоне в своем синеньком платьице. Всякий раз, когда рассаживались за столиками, чтобы покушать, я искал её глазами, а потом время от времени посматривал в ту сторону. Я ей тоже нравился. В своих сердечных устремлениях она была более активна. Перегородив мне пути отступления где-нибудь в летней беседке или каком-то другом углу нашего прогулочного двора, она

с подружками с неизменной настойчивостью выпытывала: «Кто из девочек тебе нравится?». Я был слишком скромн для того, чтобы отдаться чувству у всех на глазах и, глядя вниз и упрямо поджав губы, обычно отвечал, что никто. Но она не оставляла своих попыток узнать правду, а я и не противился. Однажды зимним вечером, при желтом свете ламп уличных фонарей, мы оказались одни в самом дальнем углу двора. От остальных детей нас отделяла стена снежной крепости.

– А давай целоваться! – предложила она.

– Давай! – согласился я и чмокнул ее в холодную влажную щеку.

– Целоваться надо в губы, – поправила меня она и ткнулась своими губами в мои.

Нам стало очень радостно и весело. Мы полулежали в сугробе лицом вверх и смотрели в черное небо. Время от времени один из нас приподнимался и быстро целовал другого в губы или в нос, или в щеку, после чего откидывался на спину и мы начинали неудержимо хохотать. Наверное в этом не было ничего смешного, просто нам было очень легко и хорошо.

После дневной прогулки дети возвращались в раздевалку. Часть вещей воспитатели уносили в сушилку – просторную бетонную комнату с толстыми горячими трубами вдоль стен, а мы поднимались в зал, мыли руки и рассаживались за столиками в ожидании обеда. Но сначала предстояло неприятное. Воспитательница подходила к каждому и наливала из темного пузырька противной вонючей жидкости в поставляемую столовую ложечку. Убедившись в том, что содержимое благополучно проглочено, переходила к следующему. Это вам не кривляния по поводу молочных пенок. Рыбий жир, несмотря на отвращение, пили все.

После обеда наступала пора тихого часа. Спать было не обязательно, но все должны были лежать в своих постелях. На это время приходилось наказание провинившихся. У нас не было принято ставить детей в угол, лишать пищи или, не дай Бог, вразумлять телесно. Прощтрафившегося, независимо от пола, раздевали догола и ставили на кровати. Виновный, как правило, плакал и умолял, многократно повторяя: «Простите, пожалуйста, я больше так никогда не буду!», – но воспитатели были непреклонны. Обычно выставляли тех, кто ночью не сдержался. Таких в группе было всего трое-четверо. Но нарушали они не постоянно, а время от времени, поэтому и наказывали их не каждый день. Поставить могли и тех, кто нарушал порядок во время тихого часа, но, опять же, только в тех случаях, когда ребенок не реагировал на замечания взрослых и мешал другим детям. Постепенно все засыпали, тогда и провинившемуся разрешали лечь под одеяло.

По окончании послеобеденного отдыха мы полдничали булочкой с горячим молоком и шли на вечернюю прогулку.

По средам, вечерами, был родительский день. Ко мне приезжали мама или папа. Встреча и общение обычно происходили в раздевалке возле моего ящичка. Посетителей было немного, наверное, не у всех была возможность навестить детишек. К тому времени я уже понимал дни недели и уже с утра знал о том, что вечером буду кушать апельсин и конфеты. С собой в группу угощение было брать нельзя и поэтому приехавшие родственники пытались засунуть привезенные сладости в нас во время свидания. Разговаривали мы немного. Мама спрашивала о том, как у меня дела, а я говорил, что хорошо. А кушать не очень хотелось. Мы ведь уже ужинали. Потом мама разговаривала с воспитательницей, которая собиралась домой, а мы ложились в постели. Наступало время ночной нянечки.

Свет в спальнй комнате выключался, но дверь в обеденный зал оставалась открытой и оттуда были слышны взрослые разговоры, звяканье тарелок; техничка мыла полы... Спать было нельзя. Где-то через час после начала «отбоя» в дверном проеме появлялась Дарья Семеновна со своим мокрым полотенцем. Она проходила, как и утром, вдоль рядов и, стегая налево и направо, грозно повторяла: «На горшок!...На горшок!...». Мы скатывались с кроватей и босиком устремлялись в туалет. Спорить с нянечкой о том, хочешь ли ты или нет,

было не принято. Все знали о том, что если намочишь простыни до прихода дневных воспитателей, то Дарья Семеновна цепко возьмет тебя за руку и, несмотря на сопротивление и заверения о том, что больше так поступать не будешь, поволочет безлюдными коридорами вниз, в сушилку, в этот страшный и душный ночной изолятор.

Однажды, когда Ночная фея, как называла ее Лидия Васильевна, поднимала нас на горшок, я увидел, что Жанна уже успела заснуть и никак не реагирует на происходящее. Эта девочка мне не нравилась, но представив, как Дарья Семеновна будет бить ее полотенцем, заставляя подняться, я склонился над ней и стал трясти за плечо: «Жанна, вставай, надо идти в туалет!» Но девочка не хотела просыпаться. И, взмахнув рукой, пытаюсь уклониться от моих призывов, она ударила по окну. Стекло со звоном рассыпалось... Я упирался, захлебываясь слезами пытался объяснить, что хотел сделать как лучше, но меня уже препроводили в изолятор, тем более, что Жанна свалила всю вину на меня. В сушилке горел свет и даже дверь не была плотно закрыта. Но разве мог я оттуда уйти? А если да, то куда?

Нельзя сказать, что это был первый проступок за который меня наказывали. Была и другая, гораздо менее благородная провинность о которой и писать неловко, но и умолчать нельзя. Иначе получится, что я один такой хороший, а все остальные – плохие. Случилось это еще в самом начале моего пребывания в садике. Была осень. На улице шел холодный дождь и воспитательница не повела детей гулять после полдника. Нас усадили за столики, раздали листы плотной бумаги, кисти и баночки с красками. Предстояло рисовать природу. Кто-то пытался изобразить желтый кленовый лист, другие-деревья с голыми ветвями, а я писал большого голубя. Он получался коричневым, потому что другой краски у меня не было. Почему-то сильно крутило и болело внизу живота, но я не знал как об этом сказать Алевтине Петровне и с нетерпением ждал окончания урока рисования... Как обычно и бывало в похожих случаях, меня «сдали» дети. Почувствовав носами неладное, они гурьбой побежали ябедничать. Воспитательница позвала техничку, а та, взяв меня под мышку, ногами вперед, отнесла в туалет; помыла, отшлепала, передела и вернула в группу дорисовывать голубя.

А еще я часто болел. Простуды, ангины и насморки буквально прилипали ко мне. В такие дни меня никуда не водили или просто забирали из сада. На «Фрунзенской» было лучше, чем в садике. Дедушка, правда, устроился на работу, но она была сменная и он часто бывал дома. Когда же его не было, мы гуляли с бабушкой. Она очень любила ходить в кино. Обычно мы выходили за час до начала сеанса. По пути заходили в «Русский лен», потом в продовольственный, а уже в конце – в «Дары природы». Конечным пунктом был недавно построенный кинотеатр «Горизонт». Бабушка не пропускала ни одного нового фильма и знала фамилии всех актёров и актрис. Сеанс начинался с киножурнала. Обычно показывали «Хронику дня». Сначала на экране появлялась Спасская башня Кремля, потом диктор громким голосом рассказывал про вождей и передовиков производства, про успехи на полевых просторах страны и в спорте. Иногда показывали «Фитиль». Я мало что понимал, но смеялся вместе со всеми. У бабушки были любимые актеры. Фильмы с Евгением Матвеевым «Родная кровь» и «Мать и мачеха» мы с ней смотрели раз по пять. Глядя на экран я видел сменявшие друг друга кадры, а бабушка сильно переживала и плакала. Мне было ее жалко, но совсем непонятно отчего у нее слезы. С работы бабушка приносила всякие вкусные и редкие продукты, глазированные сырки и маленькие круглые разноцветные конфетки. Я ими объедался, но, все равно, больше любил дедушку. Он со мной занимался, играл, гулял на детской площадке. А еще мне очень не нравилось, когда бабушка на него ругалась. Она кричала и обзывала его бранными словами, а он просил, чтобы она не делала этого при ребенке. Она бегала за ним вокруг стола, кидалась очешником и тапком, а он убегал, уворачивался и смеялся.

Тем временем, моя тетя Люся вышла замуж и у нее родился Дима. Теперь дедушка с бабушкой ездили к ней для того, чтобы помогать. Меня они брали с собой. Тетя жила в Большом Девятинском переулке в старом доме напротив американского посольства. В подъезде

было всегда темно и очень сильно пахло кошками. По узкой деревянной лестнице мы поднимались на второй этаж и звонили. Дверь с торчащими из под кожзаменителевой обивки кусками утеплителя открывалась и мы попадали на кухню. В квартире жило несколько семей и тетя жаловалась на то, что соседи воруют из суповой кастрюли мясо. В небольшом коридоре перед входом в комнату на стене вместо обоев висела огромная карта мира. Мне очень нравилось ее разглядывать. За дверью находилась комната. Она не была очень большой. В ней и обитала тетя с мужем, дядей Володей, и маленьким сыном. В комнате был выгорожен угол и в нем, за ситцевой занавеской жила вторая Дими́на бабушка. Она там спала и там же работала. Она не ходила на завод, как мой папа или в магазин, как моя бабушка, а занималась переводами дома. Она знала много иностранных языков и из-за занавески постоянно слышался стук печатающей машинки. Это была серьезная женщина. Она курила папиросы «Казбек» из картонной коробки с изображением всадника на фоне гор. И я совсем не мог себе представить, что она может кидаться в кого-нибудь очешником. В комнате тети Люси было совсем немного мебели, а все свободное пространство было занято полками с книгами и журналами. Пока родственники занимались с моим совсем ещё маленьким младшим братом, я рассматривал журналы, альбомы с репродукциями картин и атласы с цветными изображениями представителей флоры и фауны.. На «Фрунзенской» тоже была большая и тяжелая книга «Третьяковская галерея», но ее я знал почти наизусть, а здесь мне всякий раз давали что-то новое и интересное.

Я по-прежнему ходил в детский сад. Несколько раз в году у нас были праздники, вернее они просто были, а мы готовили к ним концертные программы. Воспитательницы давали нам задания и помогали их выполнить. К Новому году мы разучивали танец под песенку «Мишка с куклой бойко топают». Я был мишкой, а моя партнерша – куклой. Сначала под музыку мы громко топали ногами, а потом крутили головами и смеялись, показывая, как нам весело. В другом номере, уже к 8 марта, я рассказывал про то, что «А для милой мамочки испеку два пряничка». Надо сказать, что, выступая перед родителями, я жутко волновался и стеснялся и поэтому «глотал» буквы целыми словами.

Однажды в садик привезли новые стульчики, взамен старых. Взрослые говорили, что они «румынские». Лидия Васильевна сказала, что первыми на них могут посидеть те, кто лучше всех себя ведет. Посреди зала поставили два новых стульчика и она пригласила меня и еще одну девочку. Я сидел, вцепившись двумя руками в сиденье, и думал о том, что воспитательница, наверное, забыла и про разбитое стекло, и про голубя...

Нас не часто выводили за ворота прогулочного дворика. В тот раз нам помогали одеваться оба воспитателя и еще двое родителей. На улице нас построили парами и куда-то повели. Шли не очень долго. А потом увидели Кремль. Мы стояли в очереди на Красной площади и уже знали, что идем смотреть мертвого Ленина. То, что я увидел в Мавзолее мне было не очень по душе, зато понравились румяные солдаты с ружьями у входа.

Весна у нас наступала в начале мая. Дедушка с бабушкой перебирались на дачу, в дом. В это же время папа, забирая меня в очередную субботу домой, собирал из моего ящичка все вещи и, о чем-то предупредив воспитательницу, брал в одну руку сумку, во вторую – мою ладошку и мы с ним уходили до сентября. В этот раз было так же. Только осенью мне надо было идти в школу. Покидая садик, я не очень задумывался о том, что больше никогда его не увижу. Сейчас, спустя пятьдесят лет, я отыскал его на панорамных видах в Яндексe. Производственный корпус и отделение милиции, что огораживали прогулочный дворик, снесли. А само здание с воротами и калиткой стоит, как и прежде, только цвет поменяло. Пишут, что там сейчас размещена гимназия.

Яблочко

Григорий Иванович появился в соседнем доме как-то совсем внезапно. Вообще-то там жила одинокая женщина Казимира Федоровна со своими дочерьми. Была она зубным врачом. Вернее, жила она в Москве, там же и работала, а в Бутово у нее была дача. А потом появился он. Я был совсем маленький и думал, что они поженились, однако никак не мог понять, как Казимира, высокая, красивая, всегда аккуратно одетая дама могла выйти замуж за маленького, лысенького, вечно одетого в замызганную черную телогрейку и валенки с калошами Григория Ивановича. Летом он, правда, одевался полегче, но всегда по-рабочему и сверху почему-то носил засаленный брезентовый фартук. На самом деле оказалось, что я думал неправильно. Домашние говорили, что Казимира никем новому соседу не приходится, что въехал он в дом по каким-то наследственным делам и «оттяпал» себе половину участка.

Дедушка новосела не любил и говорил, что тот нигде не работает и вообще он кулак и спекулянт. Бабушка же, напротив, может и для того, чтобы позлить мужа, соседа нахваливала, мол, и руки у него золотые, и дома полная чаша, и хозяйство завидное. Дед злился, скрипел зубами, но терпел. Бывало, если бабушка куда-то совсем ненадолго исчезала из поля его зрения, он спешил за калитку и, если, вдруг, заставал ее за разговором с ненавистным соседом, близко не подходил, чтобы не здороваться а от нашего забора звал домой – внуки не кормлены, каша пригорела, ну, или еще что важное, требующее ее присутствия. Та смиренно возвращалась домой по пути рассказывая о том, что Григорий Иванович объяснял ей как бороться с махровостью на смородине, фитофторой на помидорах или как привить яблоню и чем и когда лучше поливать огурцы в период вегетации. Дед горячился, потому что и сам книжки читать умел, знал многое и никак не хотел сознаваться в том, что его оппонент – практик и получается у того лучше.

Григорий Иванович был весьма незлобив и общителен. Сам про себя все и рассказывал. Когда-то давно он работал в кузнечном цехе завода «Серп и молот», там же частично и оглох. Уволился по состоянию здоровья, хотя и был еще весьма крепок. Получив инвалидность, стал столярить. И это занятие у него неплохо получалось. Мог и стол сделать, и табурет, а если потребуется, то за изготовление шкафа мог взяться. Но, постепенно профессия сходилась «на нет». Мебельные фабрики выпускали все больше продукции, да и из-за границы начали поступать новые образцы, отличавшиеся красотой и качеством. Так что простые деревянные изделия стали невостребованными. Поэтому все больше внимания Григорий Иванович стал уделять подсобному хозяйству. Несколько ульев, десятков кроликов, куры требовали постоянного ухода, да и сад с его яблонями, вишнями, кустами крыжовника и смородины отнимали немало сил и времени. За забором, на пустыре была посажена картошка, поэтому с раннего утра и до позднего вечера он был занят: строгал доски в сарае, рвал траву для кроликов, опрыскивал деревья дустом, да и мало ли забот при таком-то хозяйстве?

Через некоторое время в его доме появилась Клавдия Михайловна. Была она женщина крупная, основательная, сильная и к физическому труду привычная. Могла курицу зарубить, огород копать, ульи помочь на зиму в укрытие поставить. Каждый день на работу она не ходила и помногу занималась по дому и в саду.

Наступила осень и дедушка с бабушкой уехали в Москву на зимнюю квартиру, а я с родителями остался в доме, потому что пошел в школу, в первый класс. Ходить надо было далеко, на другой конец поселка. Учились мы во вторую смену. Уроки заканчивались, когда уже было темно. Возвращаясь после школы, я доходил до железнодорожной платформы, вставал на месте остановки первого вагона и ждал, когда в 18—04 прибудет электричка на которой приедет мама и мы вместе пойдем домой. Ждать иногда приходилось долго, но идти одному было страшно. Уличного освещения в нашем углу не было. Меня поджидали темные кусты вдоль дороги,

мрачный притихший сад, черные оконные проемы дома. Когда я все же решался войти, то сначала обходил все комнаты и включал везде свет. Кошмары про пустой дом до сих пор с некоторой периодичностью посещают меня. Снится, что незнакомый страшный мужчина пытается открыть входную дверь, а я тщетно пытаюсь ему помешать, но слишком уж неравны силы.

Отец договорился с Григорием Ивановичем о том, что я буду заходить к ним после школы на час-другой. Клавдия Михайловна обычно что-то варила, или вязала, или шила. Хозяин тоже занимался каким-то своими взрослыми делами, а меня сажали на изрядно полинявший и местами протершийся диван и давали книжку про Братца Кролика. Если наступало время для еды, хозяйка кипятила воду и наливал чая мне и себе, в блюдечко накладывала варенье. Бывало, что и печеньем угощала, и конфетами. Хозяин же обычно довольствовался простым кипятком из большой алюминиевой кружки и ломтем черного хлеба. Про него у нас дома говорили, что очень уж жадноват. Как бы то ни было, чаем меня поили и вкусами угощали. В начале седьмого приходила мама и забирала меня. Сколько это продолжалось уже и не помню: месяц, два? Впрочем, не важно.

Однажды сосед попросил отца помочь затащить что-то тяжелое на чердак. Вернулся родитель в некотором недоумении: «Представляете, у него наверху стоит два больших мешка с ключами от гардеробов, сервантов и еще ведро канифоли в углу... Спросил, зачем? Говорит, пусть будут».

Георгий Иванович и действительно был весьма хозяйственен и рачителен. У него ничего не пропадало и все, даже не очень нужное, шло в дело. Он одним из первых завел себе компост, складывал туда всю органику, начиная от пищевых отходов, до травы, ботвы, гнилых плодов и регулярно удобрял почву перегноем оттуда. Не брезговал и содержимое ассенизаторской машины, купленное недорого, под яблони вылить и прикопать. Соседи негодовали. Неправильно это! Использовать фекальные массы для удобрения никто себе не позволял. Да и вонь несколько дней стояла невыносимая. Сосед только улыбался добродушно: «Я же не под картошку выливаю, а то, что пахнет, так это натуральное». На продажу шло все: смородина, крыжовник, зелень, вишня. Летние яблони он вырубил. Только место занимают. Не хранятся. А реализовывать яблоки «в сезон» не выгодно. Антоновка же у него была потрясающая – крупная, чистая, ровная, сочная, зелено-золотистая. На рынок он ее возил с начала декабря и по март, когда у других яблоки или заканчивались или портились. Он свой урожай хранил в погребе в специальных фанерных термосах, которые сам же и изготавливал. Бралась полоса фанеры и гнулась в цилиндры разных размеров. По месту делались доньшки, меньшая емкость помещалась в большую, а пространство между ними заполнялось опилками. Внутри аккуратно, через газетку укладывались яблоки и сверху конструкция закрывалась двойной крышкой.

Обильный урожай подразумевал осенний приход грызунов, поэтому в домах держали кошек. У Григория Ивановича тоже имелась и он ей очень гордился. Маленькая, тощая, с просвечивающимися ребрами черно-бело-рыжая помощница была настоящей крысоловкой и чуть ли не каждый день приносила хозяину добычу, оставляя ее на видном месте возле крыльца. Но была проблема. Кошка эта была вечно беременной, что хозяину совершенно не нравилось. Тогда Григорий Иванович, дабы оградить животное от посягательств сильного пола, наколот мелко стекло, смешал с мясным фаршем, скатал в шарики и, предварительно заперев любимицу на сутки в доме, разложил приманку на участке. Уже к вечеру она была съедена, а сосед радостно, с нескрываемым чувством удовлетворения, рассказывал окружающим о своей находчивости. Наш кот тоже умудрился нажраться вредных шариков и два дня прокорчившись от боли, уполз подышать на природу. Мы с матерью ревели от жалости, и отец, как-то встретив соседа, мимоходом поинтересовался, зачем тот отравил нашего кота, а тот простодушно улыбаясь, удивился: «Как же я мог его отравить? У меня и яду-то нет... А-а-а, это тогда, когда со стеклом?... Так, что он по моему участку ходит?»

Я отучился, отслужил, поступил на работу и к соседу как-то не касался. Ну, есть он и есть. Иногда он проходил мимо нашей калитки в сторону станции со своей неизменной коричневой кожаменителевой сумочкой с застежкой на молнии – значит на рынок поехал. По слухам, живность уже не держал, потому что тяжело, возраст, а яблоками до сих пор торговал.

Однажды, морозным утром, спеша на работу, я нагнал его на железнодорожной платформе. Поздоровались. Поговорили ни о чем. Я давно не видел его вблизи. А он нисколько не изменился – такой же веселый, румяный, ни единой морщинки. Зубов, похоже, тоже как не было, так и нет. Улыбается, громко разговаривает. Подошел поезд. Я помог ему втиснуться в набитый людьми тамбур, двери закрылись, едва не прищемив сзади куртку.

– Григорий Иванович, здравствуйте! – услышал я радостный тонкий женский голос. Его обладательницей оказалась миниатюрная старушка в пуховом коричневом платке, которую мы прижали к стене возле стоп-крана, когда входили.

– Ба! Валентина! Какими судьбами! – по интонации соседа я понял, что он тоже очень обрадовался этой встрече.

Было видно, что встретились двое старых знакомых и бесконечно счастливы видеть друг друга. Они наперебой задавали вопросы, что-то рассказывали, смеялись. Выходило очень громко. Мало того, что им приходилось перекрикивать шум поезда, но и сосед был глуховат. Народ в тамбуре, став невольным свидетелем бурной встречи, слегка посмеивался. До Царицино минут пятнадцать ехать. Вот уже люди начали разворачиваться, готовиться к выходу, а мои два голубка никак наговориться не могут. Ему надо выходить, но чувства его переполняют, ему хочется сделать для своей собеседницы что-то хорошее. Григорий Иванович слегка приоткрыл молнию на сумке, с трудом засунул внутрь руку, долго копался и уже перед самым выходом, наконец, нашел то, что нужно. Он достал совсем небольшое, чуть больше куриного яйца слегка кривенькое зеленое яблочко, обтер его о лоснящийся рукав телогрейки и протянул Валентине:

– На тебе гостинчик. Свое. Очень вкусное, – он вышел на платформу, двери закрылись, поезд тронулся, а пожилая женщина осталась стоять в опустевшем тамбуре, зажав в сморщенном кулачке так и не налившуюся антоновку. Она смотрела перед собой, «в никуда» и улыбалась.

Валенки

*«Знать математику кое-как – значит и мыслить кое-как:
неточно, приблизительно, неверно» Н. И. Лобачевский.*

Именно такая фраза была аккуратно выведена под портретом мужчины строгой внешности, висевшим слева от верхнего угла классной доски. Это, когда еще в школе, когда все было легко и просто. Домашку можно было делать не всегда и списать у классных отличниц на перемене. То, что задавали учить тоже пробегалось глазами перед уроком. Если не повезет и спросят, то что-то сам вспомнишь, что-то подскажут. Ниже, чем на четыре балла обычно не получалось.

От воспоминаний Леху оторвал показно-возмущенный голос экзаменатора:

– Да Вы что же это, милочка, таких простых вещей не знаете? – обращался он к раскрасневшейся от волнения девчоночке, сидевшей рядом с ним и нервно грызущей шариковую ручку за колпачок, -посидите и подумайте.

Младший научный сотрудник с кафедры математики достал из кармана пачку сигарет и вышел.

Вообще-то подобные поступки были непозволительны. Преподаватель не имел права покидать помещение во время экзамена, но помещения института были пусты, все ушли на каникулы и лишь только самые нерадивые и неудачливые сидели сейчас в нескольких помещениях ВУЗа и пытались пересдать экзамены, «заваленные» в зимнюю сессию.

Леха окинул взглядом аудиторию. Всего шестеро. «Милочка» торопливо рылась в шпаргалках, парень постарше, что после армии и подготовительного отделения, смело достал из под свитера конспект с лекциями и списывал прямо оттуда, остальные ребята сверяли написанное на листках с записями в своих длинных бумажных ленточках со шпорами. Лехе повезло. Билет, что ему достался он знал. Даже специально сделал в ответе небольшую ошибку. Препод в нее упрется, а Леха – ррраз! И исправит ее на правильное. А если что другое спрашивать начнет – то там уж как повезет.

То, что в математике и физике он ничего не соображает стало понятно, когда еще в десятом классе он поступил на подготовительные курсы в МЭИ. Складывалось такое ощущение, что то, что давали в школе и то, что на курсах – совсем разные вещи. Вроде как всегда учил английский, а тут, – на тебе – китайский. Удивляло, что многие слушатели предметы понимали, вопросы задавали, сами отвечали, а Леха сидел дуб-дубом, графики перерисовывал, формулы записывал, а что к чему никак не доходило. И, ладно бы в школе плохо учился, а то ведь был, если и не отличником, то твердым хорошистом. По окончании курсов состоялись экзамены. Леха приехал, возле двери постоял, а сдавать не пошел. Какой смысл? Стыда натерпеться? Да и бумажка об окончании ничего не значила и на поступление в ВУЗ не влияла.

И пришло тогда к Лехе понимание того, что хорошист в сильной московской школе и хорошист в школе с рабочей окраины, как в его случае, – две большие разницы.

Достал он школьные учебники да задачники и все лето перед экзаменами просидел в беседке, что на дедовом участке стояла. Учил все заново, начиная с четвертого- пятого класса.

Помогло. Вступительные экзамены в институт Леха сдал. Правда, подавался он на «Электрооборудование летательных аппаратов» – романтическое название и, что немаловажно, понятное, а зачислили его на «Электрические машины». Что это означает он понял лишь потом.

А почему, спрашивается, поступал именно в МЭИ? С гуманитарными науками у него было много лучше. Нравились ему и литература, и иностранный, но, листая справочник для поступающих в ВУЗы, осознавал, что невозможно с его подготовкой поступить ни в иняз, ни

в литературный. Даже в юридический конкурс был среди профильников, то есть абитуриентов, имевших стаж работы по специальности. И еще одно, немаловажное. Военная кафедра была лишь в технических ВУЗах, а служить Родине вот сейчас, сразу после окончания школы, Леха идти не хотел. Наслушался уже рассказов про дедовщину и марш-броски в кирзовых сапогах.

... -Ну, вот, милочка, Вы же все знаете, – гремел голос экзаменатора, – что же сразу-то не сказали?...

Следующим отвечать пошел парень, что постарше.

А теперь армия маячила очень даже конкретно. Если сегодня не получится пересдача, то уже весной, а в лучшем случае осенью, затрубит призывной горн. Можно, конечно, попробовать взять академический отпуск. Надо только сослаться на что-то серьезное, что мешало учебе. Но, не факт, что дадут. Да и причин никаких реальных не было, а врать и придумывать было стыдно. А ведь как все хорошо начиналось? Лекции, семинары, просторные аудитории, студенты- друзья и товарищи. Да и учеба не особо угнетала, как-то легко все давалось. Единственное, что слегка напрягало, так это высшая математика. Лекции читал серьезный и внушительный преподаватель. Звали его Павел Александрович Шмелев. Попросту – Пал Саньч, а за глаза- Паша. Ходил он обычно в строгом отглаженном коричневом костюме, белой рубашке, темном галстуке и непременно с объемным портфелем в руке. Говорил громко и обстоятельно. Начинал лекцию, как правило, с переключки. Не то, чтобы пофамильно, а предлагал:

– Первая группа, встаньте. Так... восемнадцать человек... Староста, сколько по списку? К перерыву сведения обо всех отсутствующих ко мне на стол. Это относится к старостам всех групп.

Так что посещение было почти стопроцентным. Читал он грамотно, педантично, не перескакивал с одного на другое, как это часто бывает у других преподавателей. Сильно не торопился, так что и записать успевали, и комментарии прослушать. И никаких шуточек или лирических отступлений. Студенты его прибаивались и уважали. Леха тоже относился к преподавателю серьезно, но считал, что слишком уж строго все поставлено, но выбирать не приходилось.

Семинары же по математике вел Владимир Петрович Белогрудь. И на этом персонаже следует слегка остановиться, чтобы описать его поподробнее. Лет тридцати, невысок, худ. Черный костюм, белая рубашка, галстук, отполированные до блеска ботинки. Длинный тонкий нос в угревой сыпи, бесцветные близкосоженные глаза, жидкие вечно сальные русые волосы расчесаны на безупречный пробор, ну и пара юношеских прыщей на лбу, это уж так, для полноты картины.

Начало каждого семинара проходило так:

– Товарищи студенты, открываем тетради. В верхнем правом углу ставим сегодняшнее число. Строчкой ниже пишем: «Урок N 1», подчеркиваем одной чертой. Еще ниже пишем тему занятия,...подчеркиваем двумя чертами... Товарищ, студент, как Ваша фамилия? Вы подчеркнули название темы не двумя чертами, а одной. Делаю Вам первое дисциплинарное замечание. Учтите тот факт, что получив три дисциплинарных замечания, Вы отправляетесь в деканат с объяснениями и за допуском к занятиям...

И так постоянно:

– Почему Вы задаете вопрос, предварительно не подняв руку и не получив моего разрешения? Дисциплинарное замечание!...

– Почему Вы повернулись к соседу с задней парты? Дисциплинарное замечание!...

– Почему Вы опоздали? Три дисциплинарных замечания! За допуском – в деканат!...

Проблемой Лехи оказалось то, что до конца не узнав всех правил обучения в ВУЗе, он попал в неприятную ситуацию и именно по высшей математике. В начале декабря он заболел, причем не то, что насморк или кашель какой, а серьезно, с высокой температурой и недомо-

ганием. Потому и пропустил то, что называлось «коллоквиум», или промежуточную зачетную работу по математике. Думал, что пропустил и пропустил. И справка от врача есть. Оценки остальные все положительные, должен на зачетную сессию без проблем выйти. Ему бы спросить у кого из сокурсников – так ведь не догадался. И получилось так, что когда все сдавали зачет, Леха писал коллоквиум. А когда уже неуспевающие пересдавали зачет, он пришел с ними. Взял билет с вопросами, написал на отдельном листе свои ответы, но, когда подошел к Владимиру Петровичу, чтобы отвечать, тот мельком взглянув на листок, перечеркнул его и со словами:

– Вы не указали время получения билета и, таким образом, зря потратили свое личное время и энергию преподавателя, – вернул Лехе бумагу с ответами.

Чтобы выйти на экзаменационную сессию оставался последний шанс. Через день Леха стоял у кафедры высшей математики. Зачет должен был принимать Паша. А вот и он. Идет по коридору, глядя перед собой и дежурно отвечая на приветствия. Но, проходя мимо Лехи, он на несколько секунд остановился и посмотрел на студента. Что же могло привлечь его внимание? Обычный лохматый паренек, волосы которого в последний раз стригли года два назад; физиономия не брита с неделю; из под строгого серого «в рубчик» пиджака выглядывает ярко-голубая атласная рубаша в желтых петухах; брюки, вернее штаны – совсем обычные, шитые не очень умелым мастером из крупного кислотно-оранжевого вельвета. А обут студент в почти новые черные валенки. Холодно на улице той зимою было.

– Да... – произнес про себя доцент задумчиво и прошел в аудиторию.

Леху вызвали четвертым или пятым. По тому, какое неприятие исходило от Пал Саныча, студент понял, что накануне у преподавателя или новенький «Москвич-2140» из под окон угнали, или дверь в квартире облили керосином и подожгли и он, Леха, в точности подходит под описание злоумышленника.

– Что-то я Вас на лекциях своих не помню, – недовольно начал Паша.

– Да я все время ходил, только два раза пропустил, так у меня и справка есть, – Леха растерянно потянулся к внутреннему карману пиджака, но преподаватель жестом остановил его, а сам поставил на колени портфель, открыл, достал какие-то бумажки и долго листал их, видимо отыскивая фамилию экзаменуемого в списках прогульщиков.

– Странно, но ничего. Начинайте, что там у Вас?

Леха бойко отчитался по-первому вопросу.

– Та-а-к, – удовлетворенно протянул Паша и поставил на лежащем перед ним листе большой минус и обвел его кружком, – что дальше?

Второй вопрос Леха отвечал менее уверенно.

– Достаточно, – прервал его преподаватель, прочертил второй минус и опять обвел его кружком, – прощайте, товарищ студент. Надеюсь, что в стенах этого ВУЗа мы с Вами больше не увидимся!

Ни дополнительных вопросов, ни хоть каких-то пояснений. Просто, пошел, мол, вон, болван. Вижу тебя дурака насквозь, не знаешь ты математику.

Леха понуро вышел из аудитории. Похоже, что все, конец учебе. Послезавтра первый экзамен по материаловедению, но уже не для него. К сессии допуска нет. Слезы обиды непроизвольно наворачивались на глаза. Он не то чтобы так уж хорошо знал предмет. Вовсе нет, да и речь не о том. Но все домашние задания делал сам и понимал, что делает; расчетные задания тоже решал сам, а не бегал по общежитию в поисках своего варианта, да тот же самый злополучный коллоквиум он написал сам и с хорошим баллом... Проходя мимо одного из стендов, увидел написанное от руки объявление: «Желающих сдать зачет по высшей математике, завтра, 29 декабря, просьба записаться ниже...»

Доброй феей оказалась пожилая женщина, ассистент кафедры, которая на следующий день послушала Лехины ответы, немного «погоняла» по билету и поставила «зачет» в книжку.

Так он и вышел на первую сессию, готовился к экзаменам, сдавал их.

А последним была высшая математика. И попал Леха опять к Шмелеву. В этот раз преподаватель не был столь враждебно настроен, скорее апатичен:

– И как Вы формулируете данную теорему?

– ...утверждение будет верным, тогда, когда выполняются следующие условия...

– Стоп, стоп, стоп... Попрошу Вас еще раз сформулировать теорему.

– ... утверждение будет верным тогда, когда выполняются следующие условия...

Пал Саныч устало взял зачетку и жирно, красной шариковой ручкой поставил: «НЕУД.», удовлетворенно посмотрел на содеянное и затейливо расписался, сопровождая свои действия поучительными словами:

– ...утверждение будет верным тогда, И ТОЛЬКО ТОГДА, когда выполняются следующие условия...

И вот сейчас именно этот экзамен Леха пересдавал. Получилось несложно. Ответил и по билету и на дополнительные вопросы.

Преподаватель, отдавая зачетку, заметил:

– Надеюсь, ты понимаешь, что в таких случаях положено на балл ниже?

Да и ладно, «хор.», так и нормально, все равно стипендии не видать.

Эти «тогда и только тогда», совершенно правильные по-сути, Леха запомнит на всю жизнь, также, как и Пашу с его недоброй педантичностью. Они и еще раз встретятся за экзаменационным столом через семестр и не Леха будет проситься отвечать именно Паше, а Пал Саныч, зайдя по-пустячному вопросу в аудиторию и увидев среди прочих Леху, решит помочь коллегам, вызовет его к себе и с удовольствием поставит очередной «неуд.». Ну, вот, не нравился ему Леха.

А потом начался новый семестр. Владимира Петровича отослали на курсы повышения квалификации. Он, озорник, группу, что на курс старше Лехиной, почти в полном составе до экзаменов не допустил. Недоучил, получается.

Пригодилась ли Лехе в дальнейшем в жизни, в работе высшая математика? Если и да, то косвенно. Доцент Романов, читавший курс аналитической геометрии, на одной из лекций, отступив от плана занятий, сказал: «То, что мы сейчас изучаем, вы, наверняка, забудете, как только сдадите экзамен. Моя же задача – построить ваши мозги в нужном направлении для того, чтобы в последующей работе, столкнувшись с проблемой, вы всегда знали какую книгу взять и что в ней посмотреть.»

Спустя сорок лет после этого случая, Леха случайно увидел фильм про одного математика, и что-то внутри засвербило. Залез в интернет, вспомнил о чем это они, эти теоремы Ферма, Лагранжа, Коши... До разбора доказательств дело, конечно, не дошло, но то, что прочитанное понятно – уже приятно. И умную мысль Н.И.Лобачевского погуглил. Ничего похожего. Однако, нашел, что «Знать литературу кое как...», а, следовательно и физику, и химию, и географию..., а физкультуру? Правильно! Неточно, приблизительно, неверно!

Можно было бы спросить, а при чем тут, собственно, валенки? Да, скорее всего и не при чем. Просто всякий раз, когда сокурсники время от времени собираются группой и вспоминают забавные истории о студенческой молодости, Лехе о них напоминают и посмеиваются.

Ролевые игры

С Валеркой мы учились на одном курсе и знали его еще по стройотряду. Вместе работали на стройке в колхозе во время летних каникул. Был он каменщиком от Бога. Кирпич клал быстро и ровно, да так, что два подсобника за ним едва поспевали. Полторы-две нормы за день выработывал. А нормы были не как на госпредприятии, а как на хорошей шашке. Вечерами, когда другие студенты, вволю ухававшись за день, сонными мухами ползали по территории сельской школы, готовясь отойти ко сну, – кровати стояли в классах, Валера гладил рубаху, чистил ботинки, брился и, обильно обрызгав себя одеколоном, устремлялся на ночную прогулку. Возвращался под утро, часок-другой спал, а потом, вместе со всеми поднимался, завтракал, – и на работу. Всегда был весел, бодр, подтянут. Мужики удивлялись, как здоровья хватает? А ему все нипочем! Следующим вечером он снова приводил себя в порядок и, отсалютовав: «Всем пока!», уходил в ночь. Мы не были друзьями, да ему, скорее всего они и не требовались, просто жили в одной комнате, ели в одной столовой и работали вместе.

Тем удивительнее, что осенью, вернувшись в Москву, буквально в конце сентября, Валера пригласил меня и еще двоих приятелей по отряду к себе на свадьбу. Мы с мужиками встретились, потолковали между собой. Что делать? Раз приглашают, надо ехать, да и нет причин отказываться.

В назначенную субботу встретились на вокзале, по студенческим купили льготные билеты до Чехова и отправились провожать товарища в новую женатую жизнь. Минут через девяносто, жаркая и душная зеленая электричка, останавливающаяся возле каждого столба, наконец, выплюнула нас на платформу. Кафе, где намечалось проведение застолья, располагалось недалеко от железнодорожной станции и мы легко нашли его по Валериному описанию. Зарплаты за стройотряд мы еще не получили и поэтому в руках у нас был один букет довольно еще приличных гвоздик на всех, ну а денег по всем карманам наскреблось около десятки. Букет я за рубль купил возле вокзала у доброй старушки. Но парни меня высмеяли и сказали, что цветы кладбищенские: «Вон, видишь, проволокой перетянуты». Они убрали железку, пересчитали количество и со словами: «Мальчик должен быть нарядным, " – десятую гвоздику обломали и воткнули мне в нагрудный карман рубашки. И, хотя наше материальное положение было не из лучших, внешне мы производили впечатление достаточно приличных молодых людей. Понятно, что по правилам этикета, джинсы и яркие галстуки явно диссонировали друг с другом, но нас это мало смущало. Не костюмы же одевать. Да у нас их и не было.

Приехали мы как раз вовремя. Народ уже постепенно подтягивался, образуя небольшую толпу возле входа. Через стеклянные двери были видны столы, уставленные тарелками и блюдами с салатами и холодными закусками. Четверочками, словно постовые, через равные промежутки стояли бутылки: шампанское, водка, вино, лимонад. Хлопотливые нарядные женщины отдавали последние распоряжения. Ждали прибытия молодых. Доподлинно не было известно, должны ли они были приехать из ЗАГСа, или ездили к какому-нибудь вечному огню, а то и к могиле неизвестного солдата. Странная традиция. Но присутствующие находились в том приподнятом настроении, которое обычно сопутствует ожидающим наступления радостного мероприятия. А вот и свадебный кортеж. Несколько автомобилей, издавая вовсе уж не мелодичные звуковые сигналы, въехали на привокзальную площадь. Первой к входу в кафе подъехала черная блестящая «Волга», украшенная сверху двумя желтыми переплетенными кольцами. На радиаторе сидела нарядная кукла, по капоту от нее лучами расходились ленты разных цветов. Из машины уверенно вышел Валера, помахал приветственно рукой встречающим и, обойдя автомобиль, распахнул заднюю дверцу. Он помог своей суженой выйти, согнул руку кренделем, как бы приглашая даму к совместному проходу до места назначения. Та обхватила ее своей и они продефилировали мимо нас в сторону накрытых столов. Мы с ребятами тщетно

всматривались в лицо новобрачной, но узнать в ней хоть кого-либо из известных деревенских красавиц не удалось. Наверное местная решили мы. Зря что-ли Валерка каждый день письма в отряде писал?

Пришло время рассаживаться и приглашенные, а их было человек пятьдесят, не спеша, чтобы не создавать давки возле дверей, прошли в зал. Причем, из молодежи, – только мы трое, да пара девчонок нашего возраста, которые сели возле невесты. Никого из Валеркиной группы, да и из института вообще. Молодые сидели во главе стола, а дальше уже по степени родства. Жениховские расположились по левую его руку, а те, что со стороны невесты – справа от Валериной избранницы. Я, Николай и Петр, а именно так звали моих друзей и спутников, разместились в конце жениховских, но как раз напротив молодоженов. Можно сказать, что через стол. Надо отметить, что пока все рассаживались, жених подошел к нам, поблагодарил за то, что приехали, и пожаловался на работников ЗАГСа: «Представляете, у них пластинка с Мендельсоном испортилась и они нам поставили эту, про войну: „Соловьи, не пойте больше песен, соловьи, в минуту скорби пусть звучит орган...“ Нормальное начало для семейной жизни.» Николай, тем временем, успел засунуть наш невзрачный букет в большую вазу с розами и гладиолусами, так что одним позором стало меньше.

Это сейчас на такого рода торжества приглашается тамада, массовик-затейник или кто другой, который и стол ведет, и следит за тем, чтобы народ не скучал, да не пил по углам. В то время подобные излишества если где и бывали, то массового распространения пока еще не получили. Зато всегда находились бойкие женщины, причем с каждой из сторон, которые и традиции соблюдали, и скучать не давали. Так было и на этот раз. С «нашей» стороны выступала Галя, жгучая брюнетка лет тридцати пяти. Невысокого роста, с роскошными формами, веселая и задорная, она, казалось, ни минуты не сидела на месте, постоянно шевелила собравшихся, весело спорила со своей напарницей со стороны невесты, поднимала тостующих и следила за тем, чтобы у всех было на тарелки положено и в рюмки налито. В то же время откуда-то появился поднос. Родственники произносили тосты за здоровье молодых, после чего лезли в карманы и клали на него деньги. Родители положили рублей по триста, разгоряченные куражем и алкоголем, соревнующиеся между собой бабки – рублей по пятьсот; те, кто дядьки, тетки или братья – по столынику. Если Гале или ее визави казалось, что дают мало, они начинали стыдить и позорить тостующего, требуя добавить денежек. Мы вяло заедали буженину бутербродами с красной икрой и понимали, что где-то через полчаса доберутся и до нас. И что делать? Самим потихоньку уйти или ждать, пока нас, раскачав за руки-ноги, с крыльца выкинут? Смыться по-тихому вряд ли удастся. Галя уже давно в нашу сторону как то очень уж заинтересованно поглядывала. И тут Николай достал из нагрудного кармана сложенный пополам аккуратный чистый конверт.

– А это у тебя еще откуда? – мы с Петей слегка оторопели.

– Думать надо, когда на свадьбу едешь. Ручку давайте и деньги, -я достал из кармана и протянул Коле три мятые трешки и рубль.

Сверху он написали: «Не вскрывать!!!», ниже: " Валере! Лично в руки!», расправил и вложил под столом деньги, потом плотно запечатал, старательно облизав клейкие части и пустил по рукам в сторону жениха. Брачующийся нашу находчивость оценил и подыграл, взвесив конверт на ладони и показав большой палец, аккуратно спрятал подарок во внутренний карман пиджака. Поэтому, когда подошла наша очередь, тост от друзей Петя произносил спокойно и уверенно.

Затем были танцы. Ох уж эти пляски в доме престарелых. Однако, Гале удалось завести всех. Поначалу-то мы с парнями кучковались у стенки, и чувствовали себя крайне неловко. Вокруг все чужие, причем возрастные, но она поочередно вытаскивала нас в центр зала и секунд тридцать потанцевав, передавала в руки какой-нибудь одиноко стоящей даме, а сама, тем временем отковыривала от стены очередного скромнягу с которым впоследствии посту-

пала столь же непостоянно. Впрочем, градус радости был уже достаточно высок и, понимая, что надо как то и соответствовать почетному званию лучших друзей жениха, мы стали помогать Гале и принимали самое активное участие в танцевальном действии.

Потом все снова садились за стол, орали: «Горько!», считали, ...пили... Затем шли на танцпол и женщины под баян пели матерные частушки и, повизгивая, плясали, словно домашние птицы, хлопая себя локтями по бокам. Мы тоже не отставали. Песен правда не пели, но Петруха ходил вприсядку, а мы дружно хлопали и поддерживали выступающих.

В заключение, попив кофе и опрокинув по рюмке «на посошок», стали собираться домой, хотя о каком доме может идти речь, если электрички уже не ходят? Николай очень удачно увел со стола бутылку водки, но очень неудачно засунул ее в штаны и в холле, при большом скоплении народа она у него выскользнула и разбилась. Потом к нам подошёл Валера и сказал, что ночевать мы будем у дяди Сашы, постоянно ослепительно улыбавшегося невысокого смуглого мужчины приятной внешности, лет тридцати пяти. Тот оказался мужем той самой задорной Гали.

Идти пришлось долго, около часа, по шпалам, отвратительно вонявшим креозотом и всем тем, что обычно выливается из туалетов поездов дальнего следования. Было темно и только рельсы, уходящие куда-то далеко в бесконечность, отражали свет луны, вычерчивая перед нами две правильные параллельные светящиеся линии. Мы брели, наверное, километров пять, спотыкаясь и стараясь не упустить из вида идущих впереди дядю Сашу с женой. Хмель постепенно выветрился и оставалась только усталость и желание лечь и заснуть. Наконец, ведущие остановились, подождали нас и мы, свернув на едва заметную тропку, прошли в полной темноте метров триста, пока не уперлись в забор из невысокого штакетника. Хозяйка пропустила нас в калитку. Вот и дом. Совсем небольшой и невысокий. Крылечко в три ступеньки. Галя, протиснувшись между нами, нагнулась и, достав откуда-то снизу ключ, открыла входную дверь. Да здравствует электрический свет. Миновав небольшую летнюю веранду, вошли в избу. Дядя Саша взял фонарик и ушел с Николаем в сарай за матрасами, а мы мимо кухни зашли в комнату. Тусклая одинокая лампочка без абажура под потолком, наружная проводка на фарфоровых роликах по темным от старости бревенчатым стенам. В углу – старый, еще деревянный комод, крашенный голубой масляной краской, такие же буфет и гардероб «мать и дитя» с кривым, начинающим чернеть по краям зеркалом. Большую часть комнаты занимала печь.

На полу, между ней и стеной, постелили пару матрасов, накрыли их покрывалом. Хозяин принес из кухни два стула, чтобы мы могли сложить на них одежду, и, укрывшись еще одним покрывалом, мы легли рядом: Петя посередине, а мы с Николаем по краям. Галя, несколько нас не стеснясь, разделась до комбинации, выключила свет и скрылась за темно-синей в цветочек ситцевой занавеской, отгораживающей лежанку у печки от остальной комнаты и откуда уже раздавалось похрапывание ее мужа.

Проснулся я оттого, что мне показалось, будто бы рядом, слева происходит какое-то шевеление и шорох. Да нет. Справа похрапывал Петруха. Звук не повторился. Наверное, показалось. Прошла минута-другая и волны дремы уже начали захватывать и уносить меня в царство сновидений, как, вдруг, я почувствовал на своем левом колене чью-то руку. Она нежно, едва касаясь, поглаживала ногу, неторопливо двигалась чуть вверх, на мгновение замирала, затем возвращалась вниз, чтобы потом вновь подняться уже на пару сантиметров выше, и опять отступала и останавливалась, как-бы играя, но двигалась она во вполне определенном направлении. Ничего себе, подумал я. Муж, значит, за занавеской мирно поживает, а эта озорница на охоту вышла? Любопытная семейка. И почему распутница выбрала меня, а не Николая? Это ему она весь вечер глазки строила. Может перепутала? Неудобно как-то. И о чем она думает? И чем это мы здесь занимаемся в десяти сантиметрах от Петрухи и в полутора метрах от ее мужа? Тем временем, ее рука постепенно, но уверенно, пробиралась все выше. Я осторожно повернул голову в ее сторону и чуть не заорал от неожиданности. В приглушенном лунном

свете, исходящем из двух маленьких окошек, лежал дядя Саша. Он смотрел на меня и улыбался. Без резких движений я взял его руку и выпроводил ее из под покрывала. Что за глупость такая? Понятно, что выпил мужик, может в туалет ходил, а, возвращаясь, заблудился и прилег с пьяных глаз не там? Нет, ерунда какая-то получается. Он, что, в своем доме заблудился? У него жена-красавица, а он... Тут я почувствовал, что его рука опять нащупывает мою коленку. Видимо, то, что я прогнал его из-под покрывала он воспринял как элемент заигрывания или кокетства с моей стороны. Теперь я уже резко скинул его руку и решительно перевернулся со спины на правый бок, лицом к Петрухе. Лежу и разные мысли лезут в голову. А не опрометчиво ли я поступил, повернувшись к дяде Саше спиной? Вдруг он сейчас накинется на меня сзади и отработанным приемом устроит мне акт дефлорации? Да нет, успокаивал я себя. Тут Петька, Николай, да и Галя его, опять же, за занавеской спит. А может и не спит. А вдруг они заодно? Завлекают одиноких путников и потом глумятся? Нет, нет, нет! Но я же шум подниму. Стоп! А ребята-то, хоть дышат? Может им уже давно глотки перерезали и я один остался?!! Да нет. Вроде нормально все. Петруха посапывает. Надо было, конечно, этому другу сразу в ухо дать. Коля так, наверняка, и поступил бы. Сейчас уже момент упущен, чтобы устраивать бои в партере. С другой стороны, дашь в ухо – все проснутся и увидят, как мы, обнявшись, по полу катаемся. Тоже не вариант. Начнется скандал. Да и ночевать на улице очень уж не хотелось. И, овладеваемый такими думами, я незаметно заснул.

Когда поздним утром проснулись, в доме уже никого не было. Оделись, вышли на улицу и по узкой тропке, между рядами штaketника засеменили в сторону одиноко стоящего туалета.

– Мужики, – не выдержал я, – меня сегодня ночью чуть не трахнули.

– Да, ладно, – парни остановились и вылупились на меня. Ну, я им в двух словах и рассказал свою ночную историю. Когда вволю отсмеялись, Николай, который, как мне показалось, немного странно отнёсся к моему повествованию, признался:

– Так он половину ночи возле меня отирался, а когда я его прогнал, он к Лехе поперся.

– Нормальный, – говорю, – ты друг. А что в ухо ему не дал?

– Да потому же, что и ты. На железнодорожной платформе, что ли потом ночевать?

Мы ополоснули лица из уличного рукомойника и вышли с огорода на улицу. Перед нами простиралась небольшая площадь похожая на станционную. Внезапно откуда-то из боковой улочки прямо к нам высыпала шумная компания с гармонью и гитарой. Все были ряженые. Женщины были переодеты в мужчин, а те, в свою очередь, были облачены в дамское платье. Первой, пританцовывая, шла Галя в соблазнительно обтягивающем трико, красном камзоле и треуголке пирата. Следом шествовала целая ватага, возглавляемая густо накрашенным дядей Сашей в обликии цыганки с бубном в руке. Меня немного замутило. Петруха негромко произнес: "Интересно, а как эта деревня называется? Надо было бы Леху балериной нарядить. И не пора ли нам сваливать?" Мы, с сияющими от счастья физиономиями, двинулись навстречу процессии, сердечно поблагодарили хозяев за радушный прием и, сославшись на сильную занятость и поинтересовавшись, как лучше попасть на электричку, простились. Нас просили остаться, обещая щедрое угощение и веселое времяпрепровождение, но нам действительно пора было ехать.

Ну их ..., эти ролевые игры.

Двухгодушники inc

Какие же мы были счастливые! Сами того не понимая, мы жили во времена настоящего развитого социализма, который, пожалуй, гораздо больше смахивал на недоразвитый сюрреализм, но нас такое положение дел вполне устраивало хотя бы потому, что сильно не мешало. Те, кто помоложе, вряд ли смогут понять и оценить всю ту бестолковость и бредовость окружающего мира, в котором все было настолько перевернуто с ног на голову, что только диву даешься, как мы умудрялись вживаться в существующую реальность, оставаясь при этом даже не сторонними наблюдателями, а полноценными участниками процесса.

Разве есть хотя бы какое-нибудь логическое или разумное объяснение тому, что проучившись пять с половиной лет в Московском Энергетическом Институте и успешно защитив дипломную работу по специальности «Электрические машины», то есть ротор-статор-трансформатор, заключительными и главными, а именно Государственными экзаменами были «Научный коммунизм» и «Военная подготовка»? Не сдашь хоть что-то из вышеперечисленного, и диплом не получишь.

Складывалось впечатление, будто стране наплевать на то, чему тебя там учили, а необходимы только политически грамотные военные. У девушек военной кафедры не было и поэтому они сдавали один «Наукоизм». Впрочем, таких, у кого не получалось сдать и не было. Прелесть процесса заключалась в том, что эти экзамены сдавали все, ну если только совсем уж не упереться и не пойти против всех норм и правил.

На экзамене по коммунизму я сначала очень складно рассказал про ленинский «Материализм и эмпириокритицизм». Потом же, не менее бодро и радостно, поведал внимательному преподавателю о величайшем творении современности, трилогии Леонида Ильича Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Сейчас это может показаться странным, но я, действительно, всю эту ерунду читал с карандашом, пытаюсь выделить то, что мне казалось значимым. А как по-другому? У нас в институте и музей был, посвященный этой теме. В качестве дополнительного вопроса невзрачный тип с кафедры научного коммунизма, как бы между прочим, спросил про мое отношение к повести А. Солженицына. «Один день Ивана Денисовича». И, я, как и полагалось в таких случаях, простодушно сознался в том, что книгу такую не читал и, следовательно, и мнения на этот счет никакого не имею. Получив законное «отлично», я отправился готовиться к экзамену по «войне».

А, что такое «война» в гражданском ВУЗе? Один раз в неделю особи, обладавшие мужскими первичными половыми признаками, поутру брили свои физиономии, надевали рубашку, галстук, брюки со стрелками, сверху – темно-зеленую куртку-стрейтотрядовку, украшенную на спине названиями мест пребывания в ССО, а спереди-всевозможными значками и нашивками, и направлялись в отдельностоящий институтский корпус. В коридорах студенты строились в шеренги, где офицеры-преподаватели проверяли их внешний вид, а затем расходились по аудиториям. Пропортяточные занятия мало кому нравились, но пропускать было нельзя. К тому же все имеет свою цену. Наличие в институте военной кафедры подразумевало отсрочку от армии до конца обучения, получение военной же специальности по классу электрооборудования летательных аппаратов и погоны лейтенанта, что немаловажно, если, вдруг, Родина решит, что вооруженные силы в твоих услугах нуждаются.

На подготовку к экзамену отвели всего лишь два дня, но даже если бы дней было десять, это бы ничего не меняло. Я бы понял, если меня на экзамене попросили выполнить команды: «Кру-у-гом!» или, там: «Напра-во!». Я бы даже с удовольствием с завязанными глазами и на время разобрал и собрал немецкую штурмовую винтовку Хуго Шмайсера, в народе почему-то называемую автоматом Калашникова. Но моей военной специальностью числилось нечто иное, и с познаниями в этой области у меня было вообще никак. Из курса лекций

строного и временами даже грозного полковника Семушкина я помнил только две фразы, да и то никак к предмету изучения не относящиеся:" Товарищ студент, почему вы спите? Вы же не на Курском вокзале!» и вторая была предназначена парню из соседней группы, который во время лекции стал засучивать (слово-то какое странное?) рукава на куртке: «Товарищ студент, если Вам жарко – снимите штаны.» Разобраться в тех электрических схемах, представляющих собой небольшие фотографические снимки весьма посредственного качества, испещренные вдоль и поперек линиями связей, мне не представлялось возможным. Учебников не было тоже. Те из ребят, кто поумнее, брали вполне доступные книги по электрооборудованию гражданских лайнеров и по ним готовились. Но это те, кто поумнее, а я про себя рассказываю. По вполне понятным причинам процесс сдачи экзамена дался мне достаточно сложно. Сначала я что-то мямлил про спешивание и развертывание мотострелкового взвода, потом про то, какие провода куда идут и в какую сторону устремятся электроны, если, вдруг, летчику почему-то захочется понажимать на переключатель управления закрылками. Оценка моих знаний по не странной случайности оказалась невысокой, но вполне себе положительной. Скорее всего, двойки было ставить нельзя.

Повестки, указывающей на то, что такие, как я срочно нужны для защиты страны, пришлось ждать совсем недолго. И, как патриот и верный сын, пусть не партии, но комсомола-то уж точно, в назначенное время явился в военный комиссариат, прошел медкомиссию, не пройти которую было, скорее всего, невозможно и, подобно почти всем своим сокурсникам, как оказалось совершенно невостребованным в народном хозяйстве, отправился исполнять свой гражданский долг. В выданном военном билете значилось звание-лейтенант и специальность – авиационное и электрическое оборудование летательных аппаратов.

Служить предстояло два года. В предписании было указано, что через месяц я должен был явиться по адресу: г. Москва, Хорошевское шоссе, дом... Нельзя не упомянуть о том, что все мои одноклассники уезжали раньше и я был как бы завершающим. Кого-то посылали в Иркутск, кого-то в Армавир или Саратов, и только меня, самого ценного, гада такого, оставляли в Москве. Представляете, какими глазами на меня смотрели девушки и жены моих друзей и приятелей. На самом деле, оказалось, что явиться мне следовало в штаб ВВС, оттуда – в штаб армии в Смоленске, а уже потом – под Житомир, в ПГТ «Озерное». Из Смоленска я ехал в компании своих будущих однополчан, троих ребят, тоже после МЭИ, но с других факультетов. Видимо страна испытывала сильный голод в кадрах, связанных с нашей военной специальностью.

Наверное будет не очень интересно читать про то, как мы ходили представляться в штаб полка, что нас четверых разместили в одной из комнат профилактория, где помимо восьми свободных кроватей, обеденного стола из столовой и одного стула, никакой мебели не было, или про то, как мы получали форменную одежду...? Хотя, нет. Про форму следует сказать отдельно. Дело в том, что граждане, решившие посвятить свою жизнь служению Отчизне на постоянной основе, где-то за год до окончания военного училища, начинают готовиться к выпуску, заказывают в ателье кители, брюки, шинели повседневные и парадные; и даже фуражки, – все это шьется на заказ. И потом, когда уже кадровым офицерам подходит время обновить одежду, мало кто берет на складе готовые изделия. Получают сукно, – и к портному. Двухгодичники же поначалу мало что знали про эту сторону армейской жизни, поэтому, когда сытый прапорщик выдал нам стопки с армейской формой по заявленным размерам, уже в профилактории, примерив все это добро на себя, поняли, что выглядим как-то не очень молодцевато. Хорошо еще, что по роду своей деятельности нам впоследствии по большей части приходилось ходить в «техничке», потому что в повседневной форме одежды нас издали можно было принять за передвигающиеся своим ходом мешки с картошкой. Шинель я, правда, чуть позже заказал в ателье и она оказалась весьма хороша, но на погоны мне почему-то прикрепили по четыре звездочки, вроде как я капитан. И так я ходил дня три. Народ ржал, но начштаба

приказал убрать лишнее. Если бы он сказал, что надо поменять погоны, то я бы их, конечно, и поменял. А так, я просто вырвал четыре лишних звезды пассатижами. Но от вырванных остался заметный след и, если сослуживцы посмеялись и забыли, то люди посторонние, увидев меня впервые, смотрели с неподдельным интересом. Это что такое надо сотворить, чтобы сразу две звездочки срезали?

Полк в который нас определили отбывать воинскую повинность входил в дивизию дальней авиации и насчитывал человек триста офицеров, сто прапорщиков и около двадцати – тридцати солдат, используемых исключительно для несения караульной службы – знамя охранять, в патруле ходить, на тумбочке стоять или на гауптвахте сидеть. Была еще Танюшка – секретарь. Она обычно в ежедневных утренних построениях не участвовала, но всякий раз, когда четыреста мужиков уже стояли на плацу, лениво слушая дежурное выступление командира, и она пыталась незаметно прошмыгнуть в дверь штаба полка, триста девяносто девять пар заинтересованных мужских глаз провожали ее с момента появления до той самой секунды, как последняя часть ее не скрывалась внутри помещения. Это было как бы ежедневным развлечением, и если, вдруг кто-то из стоящих в строю о чем-то задумывался или отвлекался на что-то, то сосед непременно толкал его локтем в бок и радостно сообщал: «Смотри..., смотри..., Танюшка идет!» Вот ведь какой желанной может оказаться единственная девушка в полку.

Вообще-то, по прибытии в часть, мне многое было непонятно, как, впрочем, не очень ясно и до сих пор. Возьмем, например, солдатскую форму. Начнем с пилоток. Это я про те маленькие «утюжки», которые сваливаются при малейшем наклоне головы. Если бойцу надо поднять что-нибудь с земли, то он, либо придерживает одной рукой головной убор и наклоняется, либо приседает, словно скромная девочка, стараясь держать головку ровно. А та же фуражка? Вот бегут два взрослых майора, у каждого в руке по портфелю. А где вторая рука? Правильно. Придерживает головной убор. И страшно даже подумать о том, что, если вдруг, понадобится достать из кобуры пистолет, тогда придется что-то отпустить и, скорее всего это будет портфель. И задумывался ли кто-нибудь о том, зачем вообще нужен головной убор? Да, скажете Вы, зимой он спасает от холода, а летом от дождя и солнца. С зимой я согласен, но пилотка и фуражка явно не соответствуют своему функциональному назначению. Пусть бы военные дизайнеры разработали какие-нибудь панамки или бейсболки и чтобы постоянно носить их можно было не обязательно.

Теперь перейдем к шинели, к добротной, тяжелой, длиннополой. Сколько раз читал книги в которых авторы устами своих героев пели ей восхваления. Уж так она удобна и хороша, и, что всегда считалось немаловажным, засыпать под ней уютно и приятно. Если ничего другого нет, то конечно хороша. Понятно и то, что до полноценного одеяла ей далековато. Но вот тот, кто скажет, что в ней удобно бегать, прыгать, преодолевать препятствия или драться врукопашную, либо sluкавит, либо он откровенный болван.

Но все перечисленное просто меркнет, когда разговор заходит о кирзовых сапогах и портянках. Я не исключаю того, что введение их в форменную одежду советских войск, на самом деле, было удачным проектом сначала «Абвера», а потом и ЦРУ. Задача по снижению боеспособности нашей армии была блестяще выполнена. Получилось, правда не все и не сразу. Первоначальный замысел с лаптями и онучами у них почему-то провалился.

Непонятностей было много. Почему летный состав возили на аэродром на автобусах, а технический на здоровенных тягачах- «Уралах»? Понятно, что если рассматривать с точки зрения физической подготовки, то может это и неплохо – по несколько раз в день забраться в кузов и спрыгнуть обратно, но, наверное, не в кителях или шинелях и не после сытного обеда.

* * *

Вооружение полка состояло из трех десятков самолетов ТУ-22- огромных, правда уже к тому времени слегка устаревших машин. Структурно полк делился на три эскадрильи: помеховую, ракетноносную, бомбардировочную, и технико-эксплуатационную часть. А личный

состав, за исключением солдат, можно было условно поделить на тех кто летает: летчиков, штурманов, операторов и техников, – тех, кто готовит самолеты к вылету, устраняет неисправности, выполняет регламентные работы.

Меня определили в третью, помеховую эскадрилью, в группу электриков, где и началась моя новая жизнь в должности старшего техника. В течение месяца я пытался детально разобраться в трех огромных альбомах с чертежами, которые мне выдал начальник группы капитан Угрюмый, и определить откуда и куда какой провод идет и где надо посмотреть, если, к примеру, не работает лампочка бортового аэронавигационного огня. Потом мне объяснили, что Угрюмый – это образ жизни и мыслей начальника, а на самом деле он Сидоров. И уже совсем потом, старший лейтенант Волков, он же Виктор Михайлович, он же Волчок, поставленный надо мной кем-то вроде наставника, отодвинув в сторону схемы и обзвывая ерундой все то, чем я занимался в течение последнего месяца, предложил: «А давайте-ка мы с Вами, товарищ Студент, наконец, делом займёмся. Я Вас торжественно приглашаю после работы помочь одному очень хорошему человеку разгрузить машину с кирпичом.» Никаких особых дел на вечер у меня запланировано не было и я согласился. А с другой стороны, как откажешься? Наставник все-таки.

Встретились мы с Виктором Михайловичем возле столовой. То, что он был явно навеселе не могли скрыть даже сгущающиеся сумерки.

– Товарищ лейтенант, к бою готовы? Погода-то какая? А воздух, воздух какой? У Вас в Москве, наверное, один смог, да выхлопные газы, – и безо всякого перехода: «Луна, словно репа, а звезды – фасоль, спасибо, мамаша, за хлеб и за соль...»

Мы уже давно свернули с главной освещенной улицы и шли в темноте в сторону гарнизонных гаражей. Волчок уже декламировал из Есенина: «Отговорила роща золотая березовым веселым языком...» «Ничего себе поэтические вечера,» – думал я, едва поспевая следом и стараясь не упустить из виду спину наставника. Позднее я узнал о том, что чтение стихов является неким обязательным признаком, позволяющим определить степень опьянения Виктора Михайловича.

Площадка перед нужным нам гаражом, вернее то место, где начинали его строить была ярко освещена, а хорошим человеком оказался старлей из нашей же группы, Александр Белоусов, правильнее даже не он сам, а его тесть. Саня, как про него говорили, года три назад, едва поступив на службу, как-то весьма быстро женился на дочери начштаба дивизии. Через год тесть-полковник помог ему с командировкой не то в Ливию, не то в Сирию, где он занимался тем же обслуживанием самолетов и обучением ремеслу местных товарищей. Недавно он вернулся, купил на заработанные деньги новую «Волгу», ждал «капитана» и хорошую должность. А пока было время и возможности, строил под машину гараж.

– Товарищи офицеры! – Волчок вышел на свет.

– Витюша, где тебя черти носят? – Саня нервничал. Надо было побыстрее разгрузиться и отпустить машину. Тесть стоял немного в стороне.

– Нормальный ход, смотрите кого я вам на помощь привел! – наставник отступил в сторону, пропуская меня вперед, – пойдёмте, лейтенант, с товарищем полковником за руку поздороваемся, не каждый день такая честь выпадает.

Полковник шутку принял и руку нам подал, а потом позвал тех троих, что сидели на бревнышке в стороне и которых я сразу и не заметил. На свету выяснилось, что все они из нашей группы. ЗИЛок с кирпичом стоял тут же, и мы принялись за работу. Справились часа за полтора. В физической части процесса разгрузки, естественно, не принимал участия полковник и, почему-то, солдат-водитель.

Грузовик отправили, слегка прибрались, перекурили и пошли в гараж к тестю. К нашему приходу тот уже успел «накрыть пенек», – так это мероприятие здесь называлось. На невысоком столике на серой, слегка промасленной оберточной бумаге лежала уже порезанная

в большом количестве докторская колбаса, рядышком покоились крупные куски черного хлеба и завершалось все это благолепие трехлитровой банкой с солеными огурцами. Полковник поднял с пола десятилитровую зеленую металлическую канистру и аккуратно налил в два граненых стакана. Немного, где-то по трети.

– Товарищ лейтенант, а Вы спирт пьете? – обратился Витюша ко мне.

– Да я, как все.

– Тогда подходите поближе, не стесняйтесь. Мы с Вами и начнем.

Спирта я раньше не пил и было немного страшновато.

– Дайте ему воды запить, – посоветовал кто-то сзади и в свободной руке у меня образовалась эмалированная кружка с водой.

– За успешную постройку гаража! – провозгласил Виктор Михайлович и одним махом осушил свой стакан. Стараясь подражать наставнику, я тоже с силой выдохнул из легких воздух и попытался залпом выпить прозрачный напиток. Получилось не очень. Дыхание перехватил спазм, в горло словно кол вогнали. Окружающие понимающе улыбались:

– Водички, водички попей...

Больше мне не наливали, я медленно жевал бутерброд из хлеба с колбасой, заботливо сделанный Витюшей и хрустел огурцом. Мужики еще несколько раз выпивали и вели те разговоры, которые обычно они и ведут, когда собираются на культурный отдых в гараже или в каком другом месте проведения досуга.

Виктор Михайлович проводил меня до профилактория, объясняя, что все эти учебники, регламенты и схемы знать, конечно надо, но необходима практика и завтра мы с ним займемся реальной работой. И я ему верил, потому, что он считался лучшим специалистом в эскадрильи.

– Грелку-то уже приобрел? – на прощание поинтересовался Волчок.

– Угу, – утвердительно кивнул головой я.

– Тогда завтра на полеты и приноси.

О том, что в аптеке надо купить грелку еще с неделю назад предупредил Угрюмый. Зачем она нужна мне уже было известно. Будучи на институтских сборах в Котласе мы наслушались историй про то, что с тамошних МИГ-25 регулярно сливают спирто-водяную смесь, которая используется в системе наддува, и называется она местным населением «Массандрой». В принципе – это та же водка. Мы задавали вопросы старшим товарищам, а почему нельзя заменить спирт на, к примеру, метиловый. Они ответили, что пробовали, и не раз; жестко предупреждали и грозили неприятностями, вплоть до трибунала, но как уследить за каким-нибудь прапорщиком, который сольет канистру яда, а потом его на бензин променяет? Сколько народа перемрет? И сливали, и продавали, а люди пить продолжали, травились и умирали. Поэтому решили оставить все как есть.

Но, разве могли сравниться маленькие МИГи с нашими дойными коровушками Ту-22? Одного топлива на четырехчасовой маршрут заливалось сорок тонн! Для сравнения, всем известная железнодорожная цистерна перевозит шестьдесят тонн, то есть две трети этой цистерны вырабатывались нашим самолетом всего, лишь, за один полет.

В систему наддува ТУ-22 на один маршрут заливалось около четырехсот литров спирто-водяной смеси. И, скорее всего, столько же и сливалось после каждого полета. Только называлась эта жидкость на местном диалекте «шпагой». За каждым самолетом был закреплен старший техник. Он полностью отвечал за техническую исправность летательного аппарата в целом. Также, на постоянной основе, у него в подчинении служили техник и механик. Эта команда называлась техническим экипажем. В народе эту тройцу называли «маслопупами». Были еще группы специалистов: авиационное оборудование, электрики, оружейники или «ломики», ПН-щики (пульта наведения), радисты, фотики..., то есть техники, которые работали на всех самолетах эскадрильи, переходя от одного к другому. А кроме того, специалисты из групп, помимо своих основных обязанностей, помогали техническому экипажу после приземления подцеп-

лять «водило» – десятиметровую трубу на колесиках к самолету, чтобы тягач смог завести его на стоянку, откатывать и подкатывать к двигателям стремянки семиметровой высоты перед вылетом и после заруливания, оттаскивать и подтаскивали колёсные колодки; летом окашивать от травы капониры, а зимой зачехлять и расчехлять лайнеры, чистить снег на стоянке.

Именно за это и полагалась грелка. Я спрашивал Витюшу:

– А почему летчики не включают наддув во время полета? Тогда бы жидкость была бы выработана.

– Да был тут один, лет пять назад. Он включил. После полета стартех открывает бак, а там- пусто. Ну, и отстранили летуна от полетов по какой-то другой причине, а потом и вовсе усадили куда-то переучиваться на другие машины.

– Ну, а, если, например, мне не нужна шпага? Понадобится водка – пойду в магазин и куплю. Буду, как все: помогать экипажу, косить траву, тягать стремянки, а брать шпагу не буду?

– Так не бывает. Знаешь, наверное, поговорку о том, что кто не пьет, тот закладывает?

– Но я же не буду закладывать!

– Я-то тебе поверю. А люди? Да не парься ты. Можешь не пить эту гадость. Продавай, меняй на что-нибудь. Можешь хоть бесплатно раздавать. Поверь, очередь выстроится.

Возразить было сложно. И уже на следующий день после полетов я возвращался с грелкой под мышкой. Почему именно грелка? А вы представьте себе картинку на которой все военнослужащие, возвращаясь с аэродрома домой после службы, несут в руках какие-то авоськи, сумки с емкостями. А тут, – грело, – резиновая емкость, вмещающая в себя 2,75 литра жидкости, со специальной дырочкой на боковине горловины, которая как будто предназначена для того, чтобы зацепить ее за пуговку внутреннего бокового кармана технической куртки.

* * *

Одним из любимых мест с первого дня пребывания в части была столовая. Мы ходили туда трижды в день – на завтрак, обед и ужин. Готовили в ней профессионально и вкусно. Она даже больше была похожа на ресторан. Никакого сравнения со студенческими столовыми. Ты заходишь в просторное помещение, садишься за один из столиков, накрытых матерчатыми скатерками; приборы уже на столе. Также имеются салфетки, баночки со специями и большая тарелка с хлебом. По проходу официантки в белоснежных кокошниках и передниках возят двухъярусные тележки, уставленные тарелками со всевозможной едой. Как правило, каждого блюда имеется по три-четыре наименования. Например, холодные закуски: салат «Оливье», сельдь под шубой, винегрет, салат овощной. Первые блюда: борщ, суп гороховый, суп харчо. Вторые блюда: котлеты, бефстроганов, курица, плов, печень, рыба...; гарниры: картофель, макароны, гречка, рис. Из напитков: компоты, морсы, кисели. Если был нужен просто чай, то девушки его тут же наливали и выдавали сахар – сколько попросишь. Если на тележке не оказывалось желаемого блюда, но оно имелось в меню, то можно было попросить его принести. Если же ты чувствовал, что не наелся, можно было взять еще порцию. Причем все это было уже оплачено теми двенадцатью рублями пайковых, которые у нас автоматически вычитали из жалования. Мы настолько любили это заведение, что доходило даже до того, что возвращаясь с ночных полетов часов в пять утра, заходили на ранний завтрак, наедались до отвала и отправлялись спать, но вставали пораньше и бежали еще раз завтракать, надо было успеть до десяти. А уже в двенадцать не спеша шли на обед. В столовой было три зала: самый большой – для технического персонала, и столики были на четверых; у летных помещение было поменьше и прием пищи происходил за общим столом. Их кормили лучше нас. В рацион дополнительно были включены яйца, шоколад и красное вино. И, конечно, мы им завидовали. Третий зал был генеральским. Мы не видели, что происходит за закрытыми дверями, но когда официантка проносила туда на подносе тарелку с дымящейся жареной на сале хрустящей кар-

тошкой, мы, уже вволю обожравшиеся, буквально истекали голодной слюной, пытаюсь уловить запах.

Впрочем, различие между летным и техническим составом состояло не только в рационе питания. Летные реже ходили в наряды, их не привлекали к уборке территории. И в быту они держались обособленно. Скорее всего интересы были разные. Если в полк приходил новый пилот или штурман, его в течение одного- двух месяцев, ну максимум полугода, обеспечивали квартирой или комнатой в гарнизоне. Технари же могли стоять в очереди на жилье по двадцать лет. Такая же ситуация была и с получением мест в детском садике. Запишет какой-нибудь механик свое двухлетнее дитя и ждет до той поры, пока в школу не придет время отдавать. Да оно и понятно. Летный состав, естественно, был много ценнее с точки зрения обороноспособности страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.